

Т. И. Краснобородько
(ИРЛИ РАН)

Самый ранний автограф Пушкина? Надпись на книге «Fables de Fénelon» (Об одном пушкиноведческом заблуждении)

Столетие со дня гибели Пушкина ожидаемо ознаменовалось открытием новых пушкинских текстов и автографов.¹ Особое место в ряду юбилейных находок 1937 года занимал томик басен Ф. Фенелона с надписью «Александр Пушкин».

В самом начале юбилейного года короткая информация о найденном «на днях» в Москве экземпляре басен Фенелона, по которому «занимался А. С. Пушкин», появилась в ленинградской «Красной газете». Об этом в редакции узнали от М. А. Цявловского, сообщившего, что обнаруженные на книге «заметки и автограф поэта» — самые ранние из известных и относятся к московскому периоду жизни Пушкина, то есть до его отъезда в Лицей. Содержание автографа не раскрывалось, но в заголовке он был назван «редчайшим».²

Месяц спустя, в памятный день 10 февраля, в специальном номере «Литературной газеты» была напечатана более пространный заметка «Первый автограф

¹ Все они учтены в кн.: Библиография произведений А. С. Пушкина и литературы о нем. 1937—1948. М.; Л., 1963. С. 69—72.

² Б. л. Редчайший автограф А. С. Пушкина // Красная газета. 1937, 11 янв. №9. С. 2.

Пушкина» — с воспроизведением титульного листа книги и записей на форзаце передней крышки переплета. Приведу полностью этот текст:

В книжном собрании ленинградского литературоведа О. В. Цехновицера хранится французская книга «Fables de Fénelon, édition ornée de Figures». A Paris. 1809 («Басни Фенелона, издание, украшенное гравюрами». Париж. 1809). Книга эта принадлежала Пушкину в начале 1810-х годов, и, судя по пометкам в тексте, ряд отрывков из нее Пушкин заучивал наизусть. На книге имеется подпись Пушкина, являющаяся, по заключению специалистов, самым ранним из известных автографов поэта.

На форзаце книги сделана надпись Н. Н. Пушкиной: A Catherine Gontscharoff (Екатерине Гончаровой), а над подписью Пушкина, на обороте передней крышки переплета, пометка Е. Н. Гончаровой: Ce livre appartient à Catherine Gontscharoff (эта книга принадлежит Екатерине Гончаровой). Должно быть, книга, по которой учился Пушкин, была подарена Н. Н. Пушкиной своей сестре, Е. Н. Гончаровой, впоследствии Дантес.

По просьбе Всесоюзного Пушкинского комитета книга с первым автографом Пушкина переслана в Москву и будет экспонироваться на Всесоюзной пушкинской выставке.³

³ Б. п. Первый автограф Пушкина. (Публикуется впервые) // Литературная газета. 1937, 10 февр. № 8. С. 5. Вполне вероятно, что текст заметки принадлежит Б. Ресту (под этим псевдонимом печатался Ю. И. Рест-Шаро, руководивший корпусом «Литературной газеты» в Ленинграде), так как на этой же газетной полосе помещен подписанный его именем большой обзор публикаций новых текстов Пушкина и документов о нем в юбилейном томе издания «Пушкин: Временник Пушкинской комиссии» (М.; Л., 1937. [Вып.] 3), который был подготовлен в Пушкинском Доме. Книга к тому времени еще не вышла из печати, и Б. Рест пользовался информацией, предоставленной ему Л. Б. Модзалевским и Б. М. Эйхенбаумом.

Открытие Всесоюзной Пушкинской выставки — одно из центральных событий юбилейных мероприятий 1937 года — состоялось в залах Исторического музея через неделю, 16 февраля. Книга из собрания О. В. Цехновицера, как и полагалось, была представлена в зале «Детство и юность Пушкина», где экспонировались «портреты писателей, которых Пушкин лично знал в детстве, и книги, которые он читал ребенком, в том числе „Басни“ Фенелона из детской библиотеки Пушкина с самым ранним его автографом».⁴

В академических изданиях информация о неизвестном прежде пушкинском документе появилась практически одновременно с его презентацией для массовой аудитории. О. В. Цехновицер — владелец раритетного экземпляра «Fables de Fénelon»,⁵ заведовал тогда Рукописным отделом Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР⁶ и право публикации пушкинского автографа подарил, можно сказать, «на зубок» новому изданию своего Института — «Литературному архиву» (одним из редакторов этого сборника он был сам). Публикация «самого раннего из числа известных» автографов поэта была подготовлена ученым хранителем пушкинских рукописей Л. Б. Модзалевским.⁷ Кроме того, форзац с надписями

⁴ Попов П. [С.] Всесоюзная Пушкинская выставка // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. [Вып.] 3. С. 518. См. также: Краткий путеводитель по выставке, посвященной столетию со дня смерти великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина: 1837—1937. М., 1937. С. 3.

⁵ Провенанс этого экземпляра неизвестен; сведений о том, каким образом он попал к О. В. Цехновицеру, также обнаружить не удалось.

⁶ Подробно об О. В. Цехновицере см.: Левин Н. Ф. Кто он — «Орест Ц.»? // Псков. 2004. № 21. С. 135—144; Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905—2005. СПб., 2005. С. 541; Иванова Т. Г. Рукописный отдел Пушкинского Дома: Исторический очерк. СПб., 2006. С. 210—211, 216—219.

⁷ См.: Модзалевский Л. Неизвестный автограф Пушкина // Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения / Под ред. С. Д. Балухатого, Н. К. Пиксанова и О. В. Цехновицера. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 157—158 (с факсимиле всех записей и титульного листа книги). Отметим, что текстуальные совпадения в академической и газетной публикациях не исключают того, что информация в «Литературную газету» о новом пушкинском автографе была предоставлена Л. Б. Модзалевским (сборник был сдан в набор 15 февраля 1937 года; см. также примеч. 3).

Пушкина и Е. Н. Гончаровой был факсимильно воспроизведен в одном из томов «Литературного наследства», посвященных русско-французским литературным связям, — с подробной подписью-аннотацией к «самому раннему из известных автографов поэта» на «экземпляре „Басен Фенелона“, по которому Пушкин в детстве заучивал наизусть отрывки», и указанием на принадлежность книги О. В. Цехновицеру.⁸

Тем временем сама книга продолжала оставаться на московской Пушкинской выставке, которая в соответствии с правительственным постановлением через год была реорганизована в Государственный музей А. С. Пушкина (в ведении Института мировой литературы АН СССР).⁹ Как следует из отчета к годовщине создания этого музея, в марте 1939 года раритетный экземпляр из собрания Цехновицера по-прежнему находился в выставочном зале: «Подлинные рукописи Пушкина еще летом 1938 года были заменены фотокопиями, остались только несколько книг с его автографами, например „Басни Фенелона“ (1809)».¹⁰ В 1941 году московский Музей А. С. Пушкина был эвакуирован в Ташкент, после возвращения в 1945 году он несколько лет пребывал в «свернутом» состоянии, пока в июне 1948 года распоряжением Президиума Академии наук СССР его архивные и музейные фонды не были переданы из Института мировой литературы им. А. М. Горького в Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Так книга с пушкинским инскриптом, ранее принадлежавшая О. В. Цехновицеру, снова вернулась в Ленинград и наряду

⁸ Литературное наследство. М., 1937. Т. 31—32. С. 5.

⁹ Текст постановления СНК СССР от 4 марта 1938 года «Об организации Государственного музея А. С. Пушкина» см. в кн.: Каталоги фондов Государственного Литературного музея. А. С. Пушкин: Рукописи. Документы. Иллюстрации / Ред. К. П. Богаевская. М., 1948. Вып. 7. С. XVIII.

¹⁰ *Богаевская К.* Государственный музей А. С. Пушкина (К годовщине его существования) // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. [Вып.] 6. С. 543—544. В инвентарной книге сектора рукописей ГМП указано, что О. В. Цехновицер в январе 1939 года передал принадлежащую ему реликвию в музей (запись № 911/6332).

с другими автографами поэта вошла в состав Пушкинского рукописного фонда (РО ПД, ф. 244, оп. 1, № 1599).¹¹

Первоначальная атрибуция надписей на книге и их интерпретация не вызывали сомнений ни у московских, ни у ленинградских пушкинистов. Помимо М. А. Цявловского и Л. Б. Модзалевского, экспертом надписей на томике «Fables de Fénelon» выступила и Т. Г. Цявловская. Об этом свидетельствует ее записочка, вложенная в саму книжку: «Первая сохранившаяся книга Пушкина „Басни Фенелона“. Внутри книги детская подпись поэта. Книга была подарена женой Пушкина сестре Ек.<атерине> Ник.<олаевне> Гончаровой. (Принадлежит О. В. Цехновицери)». ¹² Упомянутое в настоящем времени имя владельца книги, погибшего на фронте в августе 1941 года,¹³ говорит о том, что этот своего рода «сертификат подлинности» был написан Татьяной Григорьевной (тогда — Зенгер), вероятнее всего, во второй половине 1930-х годов, то есть в московский период бытования пушкинского раритета.

Атрибутируя надпись «Александр Пушкин» как принадлежащую руке поэта, все три эксперта-пушкиниста неслучайно квалифицировали новонайденный автограф как

¹¹ Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский Дом после 1937 года: Краткое описание / Сост. О. С. Соловьева. М.; Л., 1964. С. 73 (в «Описании» ошибочно указано, что книга поступила из Ленинградского областного исторического архива). Далее ссылки на автографы Пушкина даются сокращенно: ПД, с указанием номера единицы хранения и в случае необходимости листа рукописи.

¹² Последнее предложение вычеркнуто (вероятно, после того, как книга поступила в фонды ГМП). На обороте записки — помета Б. В. Томашевского, который заведовал Рукописным отделом Пушкинского Дома в 1946—1957 годах: «писано Т. Г. Цявловской. БТ». В данном контексте любопытно отметить и тот факт, что упомянутое ранее факсимиле «титულных страниц» в томике Фенелона (см. примеч. 8) было напечатано в т. 31—32 «Литературного наследства» непосредственно в тексте статьи Б. В. Томашевского «Пушкин и французская литература», хотя в самом исследовании, которое открывало том, книжка с новообретенным пушкинским автографом не упоминалась (вероятнее всего, отбор иллюстраций и их распределение в томе осуществлялось редакцией издания).

¹³ См.: Литературное наследство. М., 1966. Т. 78: Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны. Кн. 2. С. 603—609.

долицейский.¹⁴ Они были признанными знатоками лицейского почерка поэта и знали в подробностях его эволюцию, потому что систематически, вплотную обследовали тогда лицейские рукописи: Л. Б. Модзалевский — в процессе научного описания автографов поэта, хранящихся в Пушкинском Доме,¹⁵ М. А. и Т. Г. Цявловские — при подготовке первого тома академического издания Полного собрания сочинений Пушкина, в который вошли лицейские стихотворения.

Так, например, Л. Б. Модзалевский в 1934 году обнаружил в рукописном собрании Лицейского музея, которое с 1917 года хранилось в Пушкинском Доме, неизвестную ранее поэму «Тень Фонвизина» и в результате тщательного палеографического изучения самой рукописи, истории ее происхождения и всестороннего анализа текста атрибутировал ее Пушкину.¹⁶ Это была сенсационная находка. Систему доказательств, которую выстроил Л. Б. Модзалевский, включая произведенный им «специальный анализ всех букв пушкинского написания», пушкинисты приняли безоговорочно. Т. Г. Цявловская в письме ко Льву Борисовичу передавала восторженную оценку, которую дал своему младшему коллеге М. А. Цявловский на вечере, где читал «Тень Фонвизина»: «Он назвал <Вас>, „первым и исключительным знатоком почерка Пушкина“, сказал, что в ГАФКЭ¹⁷

¹⁴ Заметим, что на московской выставке 1937 года экспонировалась книга с лицейским инскриптом Пушкина. Это был предоставленный Пушкинским Домом экземпляр сочинений Вергилия (1814), которым пользовались лицеисты и на котором, среди множества других, сохранились также две подписи «А. Пушкин» (ПД 694). По характеру почерка они существенно отличаются от той, что сделана на «Fables de Fénélon». Подробное описание книги, восходящей к библиотеке Лицея, см.: Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 1022 (№ 9).

¹⁵ См.: Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Научное описание / Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.; Л., 1937.

¹⁶ См.: *Пушкин А. С. Тень Фон-Визина* / Коммент. Л. Б. Модзалевского // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. [Вып.] 1. С. 11—13.

¹⁷ Государственный архив феодально-крепостнической эпохи (в 1941 году был переименован в Центральный государственный архив древних актов; в настоящее время — Российский государственный архив древних актов).

только что обнаружено письмо из Кишинева пушкинского периода, подписанное „Пушкин“, но очень странного содержания, сказал, что он не берется сказать — Пушкин это или нет, что пусть посмотрит Лев Борисович „и, как он скажет — так и будет“ (дословно).¹⁸

Изучение раннего почерка Пушкина в автографах 1811—1815 годов, предпринятое и самой Т. Г. Цявловской, было одним из важных инструментов для датировки лицейских стихотворений в их совместной с М. А. Цявловским работе над первым томом академического Собрания сочинений. «Изучение Т. Г. Зенгер отдельных букв и общей их „системы“ <...>, — писал Цявловский в предисловии к комментариям для этого тома, — дало возможность проследить, как „выписывался“ почерк Пушкина из беспомощного детского (автограф № 1) в созревающий почерк произведений конца 1815 г.».¹⁹

«Автограф № 1» в составленном Цявловскими списке рукописей 1811—1815 годов — это запись Пушкина в первом лицейском альбомчике его однокашника князя А. М. Горчакова (ПД 1688, л. 5 об.). Она была обнаружена в архиве Горчаковых во второй половине 1920-х годов, датируется первым годом пребывания Пушкина в Царско-сельском лицее (ноябрь 1811—1812?) и до появления в поле зрения пушкинистов книги из собрания О. В. Цехновицера признавалась «самым ранним из известных автографов

¹⁸ РО ПД. Ф. 187. Оп. 3. № 345. Л. 91—91 об. (письмо от 1 октября 1935 года). Как сообщила Цявловская, доклад собрал около 100 слушателей, среди которых были К. И. Чуковский, поэт и переводчик М. Л. Лозинский, ответственный редактор «Литературного современника» З. Б. Лозинский и др.

¹⁹ Цявловский М. А. Хронология лицейских стихотворений // Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 83. Эта работа, посмертно опубликованная Т. Г. Цявловской, была написана в 1935—1936 годах и по первоначальному плану должна была войти в состав тома лицейской лирики. См. также: Цявловский М. А. Источники текстов лицейских стихотворений (IX. Хронология лицейских стихотворений) // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 557—558.

Пушкина». ²⁰ Ее первое место в хронологическом списке лицейских рукописей поэта не подлежит ни малейшему сомнению. ²¹

Найденная в 1937 году надпись на «Fables de Fénélon» не встретила, и в этом трудно не согласиться с Т. Г. Цявловской и Л. Б. Модзалевским, в парадигму лицейского почерка Пушкина. Но следует ли из этого, что интересующая нас запись на томике Фенелона непременно должна была предшествовать автографу в лицейском альбомчике Горчакова? Оба пушкиниста ответили на этот вопрос утвердительно, датируя находку началом 1810-х годов. ²² Как выяснилось, такая хронологическая последовательность вызывала

²⁰ Цявловский М. 1) Новые пушкинские рукописи и материалы // Красный архив: Исторический журнал. М.; Л., 1928. Т. 6 (31). С. 159; 2) Автографы лицейских стихотворений А. С. Пушкина // Там же. 1937. Т. 1 (80). С. 21—22; Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты / Подготовили к печати и коммент. М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. М.; Л., 1935. С. 628 (публ. и коммент. Л. Б. Модзалевского). Факсимиле этой записи напечатано в кн.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. / Под общ. ред. Демьяна Бедного, А. В. Луначарского, П. Н. Сакулина, В. И. Соловьева, П. Е. Щеголева. М.; Л., 1931. Т. 1. С. 496/497.

²¹ По особенностям почерка ближе всего к этой записи подпись под недатированным лицейским рисунком Пушкина «Собака с птичкой», занимающая в списке Цявловских позиции №2 (ПД 792). Рисунок воспроизведен в изд.: Описание Пушкинского музея Императорского Александровского Лицея / Сост. С. М. Аснаш и А. Н. Яхонтов; Под ред. И. А. Шляпкина. СПб., 1899. С. 20/21; Рисунки воспитанников I курса Императорского Александровского Лицея: Рисунки лицеистов (1811—1817): Факсимильные воспроизведения. СПб., 2011.

²² См.: Модзалевский Л. Неизвестный автограф Пушкина. С. 157. Позднее М. А. Цявловский отнес эту надпись предположительно к 1810—1813 годам (см.: Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М., 1951. Т. 1. С. 19). Его датировку сохранили в позднейших переизданиях «Летописи» (Л., 1991. С. 35; М., 1999. Т. 1. С. 20). О. С. Соловьева ограничила ее 1810—1812 <?> годами, основываясь на сравнении почерка записи на томике Фенелона с ранними лицейскими автографами: записью в альбоме Горчакова (ПД 1688), автографом поэмы «Монах» (ПД 860) и подписями под двумя лицейскими рисунками (ПД 792, 793) (см.: Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский Дом после 1937 года. С. 92). К началу 1810-х годов относил запись Пушкина на томике Фенелона и В. Д. Рак (см.: Рак В. Д. Фенелон // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. 18—19. Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии». С. 338).

сомнения у Д. П. Якубовича. В конце 1930-х годов в неопубликованных замечаниях на проект оглавления 12-го тома Полного собрания сочинений Пушкина, который составил М. А. Цявловский, он усомнился в определении автографа на томике Фенелона как «самого раннего» (им должен был начинаться раздел «Надписи»), но, к сожалению, обозначил свою позицию предельно лаконичной ремаркой («не могу согласиться») и не высказал никаких соображений о другой возможной датировке этого книжного инскрипта.²³ Судя по всему, коллеги не разделили сомнений одного из редакторов академического Собрания сочинений, и надпись на «Fables de Fénelon» до настоящего времени сохранила статус самого раннего пушкинского автографа.²⁴

Первоначальная его атрибуция и датировка безоговорочно были приняты и автором настоящей статьи. Проводя в свое время экспертизу записей на экземпляре русского перевода романа «Айвенго» из скандально известной коллекции А. А. Раменского (в действительности они оказались подделкой почерка поэта), я подробно исследовала, среди прочего, и пушкинские владельческие инскрипты. Их сохранилось немного — около 30, и только

²³ Этот документ отложился в материалах Редакции академического издания 1937—1959 годов (РО ПД, ф. 373; архив не разобран; прошел только предварительную научно-техническую обработку). О судьбе неосуществленного тома, который по первоначальному плану должен был называться «Литературные и биографические материалы», подробно см.: *Краснобородько Т. И. «Нетворческие» тексты А. С. Пушкина: Проблемы издания* (по материалам архива Редакции академического издания Собрания сочинений А. С. Пушкина) // *Русская литература*. 1989. № 1. С. 145—152.

²⁴ Надпись на «Fables de Fénelon», обнародованная в 1937 году, не вошла в корпус владельческих книжных инскриптов, который был представлен в томе «Рукою Пушкина» (1935). Редакторы нового, переработанного издания книги дополнили этот свод интересующей нас надписью, сопроводив ее предельно кратким комментарием и предложив датировку, идущую вразрез с общепринятой, но при этом никак не обосновали ее: «Надпись сделана предположительно в 1830-е годы. Книга принадлежала Пушкину и впоследствии была подарена им Е. Н. Гончаровой» (*Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 19 т. Т. 17 (доп.). Рукою Пушкина: Выписки и записи разного содержания. Официальные документы* / Отв. ред. Я. Л. Левкович, С. А. Фомичев. М., 1997. С. 581).

в двух вариантах: «А. Пушкин» и «Пушкин». Выпала из этой четкой парадигмы только надпись «Александр Пушкин» на парижском издании «Fables de Fénelon» (1809). Безусловно разделяя общепринятую ее интерпретацию как самого раннего пушкинского автографа, я объяснила тогда «исключительность» первого книжного инскрипта будущего поэта психологическими причинами: одиннадцатилетний ребенок вполне мог зафиксировать на принадлежащей ему книге свое полное имя.²⁵ В этой попытке истолковать «нестандартность» самой ранней владельческой надписи Пушкина, возможно, и зародились отложенные на время сомнения и вопросы, на которые затруднительно ответить, если исходить из существующих представлений об автографе.

Один из этих вопросов касается очередности появления записей на экземпляре «Fables de Fénelon». Л. Б. Модзалевскому и Т. Г. Цявловской это представлялось так. Сначала была сделана владельческая запись «Александр Пушкин» (*посредине* форзаца верхней крышки переплета), затем — дарительная запись рукой Н. Н. Пушкиной: «A Catherine Gontscharoff» (внизу свободного листа переднего форзаца²⁶), наконец — владельческая запись:

²⁵ Подробнее об этом см.: Краснобородько Т. И. История одной мистификации (Мнимые пушкинские записи на книге Вальтера Скотта «Айвенго») // Легенды и мифы о Пушкине: Сб. статей. Изд. 2-е, испр. СПб., 1995. С. 285.

²⁶ На обороте этого листа были карандашные записи, впоследствии тщательно стертые; столь же основательно вычищены записи чернилами и карандашом на заднем форзаце. Едва заметные остатки карандаша есть и на обороте верхней крышки переплета под записью «Александр Пушкин» (при этом между ней и записью Е. Гончаровой сохранилась «разделительная» карандашная линия). Эта особенность экземпляра прежде никем не отмечалась. Можно осторожно предположить, что на свободных страницах форзацев находились какие-то малосодержательные «ученические» записи, подобные тем, что были оставлены на отдельных страницах книги неуверенной детской рукой (как, например, «loup» на полях басни «Le Loup et le jeune Mouton» или разные пробы пера). Вероятнее всего, кто-то из прежних владельцев экземпляра «убрал» их — ради лучшего восприятия трех значимых книжных инскриптов.

«Ce livre appartient à Catherine Gontcharoff» (*над* пушкинским инскриптом). Такая интерпретация истории бытования томика Фенелона неизбежно порождает вопрос, не имеющий, впрочем, однозначного ответа: действительно ли Наталья Николаевна могла так свободно распоряжаться библиотекой Пушкина, чтобы дарить из нее книги по собственному усмотрению — например, одной из сестер в «память ученических занятий своего мужа»?²⁷

Иная последовательность появления владельческих записей на форзаце верхней крышки переплета (сначала — Е. Н. Гончарова, затем — Пушкин) изначально, вероятнее всего, и не рассматривалась, потому что эта версия создает неразрешимое противоречие. С одной стороны, подобная передача книжки «из рук в руки» не могла произойти раньше 1831 года, когда поэт породнился с Гончаровыми. С другой стороны, и это совершенно очевидно, близкую по графике подпись «Александр Пушкин» невозможно отыскать в его автографах 1830-х годов. Но это противоречие можно снять, если допустить, что запись «Александр Пушкин» на томике «Fables de Fénelon» не принадлежит руке поэта. Несмотря на кажущуюся невероятность такого предположения, почти кощунственного, основания для переатрибуции автографа тем не менее есть.

Почерк этой «самой ранней» записи Пушкина при пристальном рассмотрении воспринимается в целом как более индивидуальный и выработанный по сравнению с тем «беспомощным детским» почерком в первых лицейских автографах, как определял его М. А. Цявловский. При крайней ограниченности имеющегося в нашем распоряжении графического материала (всего 17 букв), все же невозможно не обратить внимание на то, что заглавные «А», «П» и строчная «к» (как и элементы их соединения с соседними буквами) совсем не характерны для почерка

²⁷ Модзалевский Л. Неизвестный автограф Пушкина. С. 157.

Пушкина во всем его хронологическом диапазоне — от раннелицейского до зрелого. Эти субъективные наблюдения и оценки оставались бы таковыми и впредь, если бы в процессе архивной обработки разных документов Пушкинского фонда я не обратила внимания на подписи Н. Н. Пушкиной второй половины 1830-х — начала 1840-х годов, во множестве сохранившиеся, например, на финансовых документах Опекы над детьми и имуществом Пушкина.²⁸ Благодаря этому автографическому материалу и удалось верифицировать почерк записи «Александр Пушкин» на «Fables de Fénelon» как принадлежащий жене поэта. Именно для почерка Натальи Николаевны свойственны такие устойчивые начертания букв «А», «П» и «к», какие мы видим на томике Фенелона. О том, что эта запись исполнена ее рукой, свидетельствует еще один характерный небуквенный элемент — концевой росчерк-штрих после подписи (или после даты, если она примыкает к ней), который выглядит как «нижнее» тире (своего рода аналог точки).

Ошибочные выводы первоначальной экспертизы в отношении авторства записи «Александр Пушкин» и понятны, и объяснимы. Ее близкое соседство с другими инскриптами, принадлежащими Е. Н. Гончаровой и самой Наталье Николаевне, предсказуемо ввело в заблуждение искушенных исследователей и архивистов: в таком «семейном» окружении «Александр Пушкин» безальтернативно был воспринят как родственник-поэт. И в дальнейшем этот контекст блокировал саму возможность появления других версий об авторстве инскрипта. Пушкинисты лишь корректировали датировку, но при этом никогда не ставили под сомнение автографичность записи «Александр Пушкин» на «Fables de Fénelon».

²⁸ См., например: ПД 916; ПД 1735 (л. 2); РО ПД. Ф. 244. Оп. 3. № 336 (л. 6), 338; Оп. 19, № 3 (л. 47), 40, 125 (л. 307, 325, 326, 456–459, 576–578, 699–701 и др.); Оп. 20, № 20 (л. 14 об.), 58, 59 (л. 2 об., 3 об., 5 об.), 65 (л. 6 об.), 168 (л. 4); Оп. 35, № 25 (л. 1, 3, 5) и многие др.

Новая ее атрибуция позволяет, в частности, предложить и другую версию бытования книги в семье Гончаровых — Пушкиных. Вероятнее всего, сначала появилась дарительная надпись, сделанная Н. Н. Пушкиной: «A Catherine Gontscharoff», затем — владельческая запись ее сестры: «Ce livre appartient à Catherine Gontscharoff», а уже *под* ней — вторая владельческая запись рукой Натальи Николаевны: «Александр Пушкин».

Значит ли это, что томик Фенелона восходит к книжному собранию поэта, но в какое-то время «откололся» от него? В пушкинской библиотеке сохранилось около 20 книг с надписями «А. Poushkiue», выполненными рукой Натальи Николаевны.²⁹ Она оставляла эти пометы всегда в правом верхнем углу шмуцтитула или титульного листа. Однако запись на «Fables de Fénelon», сделанная по-русски, посередине форзаца оборотной крышки переплета, плохо согласуется с этой «привычкой» жены Пушкина.

Так какому же Александру Пушкину принадлежал томик Фенелона? Поэту? Или, может быть, его старшему сыну Александру? Последнее предположение представляется вполне правдоподобным.

Книга, принадлежавшая Е. Н. Гончаровой, после ее свадьбы с Дантесом и отъезда во Францию, скорее всего, осталась в доме Пушкиных. По прошествии некоторого времени она перешла к ее старшему племяннику, о чем и свидетельствует помета Натальи Николаевны: «Александр Пушкин» — *под* владельческой записью своей сестры. Томик с 37 баснями Фенелона, украшенный гравированными картинками, наверняка входил в число тех книг, по которым Александр Пушкин-младший обучался дома или во Второй Санкт-Петербургской гимназии, где он был вольноприходящим воспитанником.

²⁹ См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: (Библиографическое описание). СПб., 1910. № 997 (т. 2, 4—7, 9, 10, 12, 14, 17, 18), 998, 1009, 1010, 1043 (т. 2), 1446 (т. 1—2).

Вернемся к вопросу, поставленному в заглавии настоящей статьи. Надпись на «Fables de Fénelon», в середине 1930-х годов атрибутированная Пушкину как самый ранний его автограф, потеснила тогда с этого «знакового» места запись в лицейском альбомчике князя А. М. Горчакова. Теперь, когда удалось установить, что «главная» из трех надписей на книге, восходящей к библиотеке Гончаровых, сделана рукой Н. Н. Пушкиной, к первой альбомной записи поэта вновь возвращается статус самого раннего из известных его автографов: «Вы пишете токмо для вашего удовольствия, а я, который вас искренно люблю, пишу, чтоб вам сие сказать. А. Пушкин».³⁰

³⁰ Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. С. 628; Томашевский Б. В. Пушкин и французская литература // Литературное наследство. Т. 31—32. С. 4. Запись Пушкина представляет собой прозаический перевод мадригала Н. Прадона «A mademoiselle Bernard».